

Совсем несмертные грехи профессора А. С. Александрова

Некоторое время тому назад я с удивлением прочитал более чем странное «обвинительное заключение», правда без всякого «перечня доказательств, подтверждающих обвинение», претенциозно озаглавленное «Семь смертных грехов современной криминалистики». Но еще более я был удивлен тем, что автором этого «бестселлера» оказался несомненно талантливым и весьма эрудированным ученым-процессуалистом, статьи которого я всегда с интересом читал — Александр Сергеевич Александров. Очевидно, что в этом случае гнев, который так же входит в перечень смертных грехов, руководил острым пером уважаемого профессора. Неправедный гнев и помешал уважаемому коллеге объективно разобраться в подлинных проблемах криминалистики, которые действительно следует обсудить обстоятельно, и главное, спокойно, а не методом лихой кавалеристской атаки, сопровождаемой оскорбительными намеками на ушедших из жизни прекрасных людей и крупных ученых. Нельзя обвинять выдающихся представителей криминалистики в каких-либо мифических грехах и приписывать им ответственность за создание ошибочных концепций, авторами которых являлись не они, а совершенно другие лица.

Я оставляю в стороне некорректные и абстрактные рассуждения профессора А. С. Александрова о «гордыне современной криминалистики», «самодовольстве коллег-криминалистов», «вечно вчерашних криминалистах», «старшем брате-криминалисте» и т. д. Остановлюсь лишь на некоторых более или менее конкретных «обвинениях».

1. Парадигма «научного познания по специальности 12.00.09» была сформирована и принудительно имплицирована в теорию уголовного процесса и практическую деятельность правоохранительных органов в 30-е годы

прошлого века, не учеными-криминалистами, на что довольно прозрачно намекает А. С. Александров, а виднейшими представителями уголовно-процессуальной науки А. Я. Вышинским и М. С. Строговичем. Взгляды этих ученых соответствовали партийному и чиновничьему заказу, в связи с чем сформулированная научная позиция была принята на вооружение. Я менее всего хочу кого-то обвинять в каких-либо грехах, в отличие от профессора Александрова, потому что «в те еще годы» было чрезвычайно опасно не только выступить против парадигмы, включающей в свое содержание две взаимосвязанные концепции — принцип достижения абсолютной (объективной, материальной) истины и отрицание состязательности в уголовном процессе.

2. В основе теории доказательств, которую довольно успешно критикует А. С. Александров, лежали работы уже упомянутых ранее А. Я. Вышинского («Теория судебных доказательств в советском уголовном праве», многочисленные обвинительные речи в зловещих процессах 30-х годов), М. С. Строговича («Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности», «Материальная истина и судебное производство»). Поэтому упреки о навязывании криминалистикой категории материальной истины, «советских понятий доказательства и доказывания», «отрицании принципа состязательности» несостоятельны, у них совершенно иная родословная.

Утверждение, что криминалистика «подмяла» под себя теорию доказательств и «искалечила» ее, недопустимы с этической позиции и совершенно ложно — с фактической точки зрения.

Исходная «точка отсчета» этого мнимого поглощения — 60-е годы XX века, когда по утверждению А. С. Александрова началось «недружественное поглощение» криминалистикой теории судебных доказательств. Однако именно в эти годы началось теснейшее и очень дружественное взаимодействие ученых этих двух научных направлений, которое ознаменовалось, в частности, двумя изданиями весьма серьезного и прогрессивного для того времени научного труда — «Теории доказательств в советском уголовном процессе».

Авторский коллектив этой монографии включал наиболее видных ученых как процессуалистов (В. Я. Дорохов, Л. М. Карнеева, Г. М. Миньковский, И. Б. Михайловская, И. Л. Петрухин), так и криминалистов (Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Г. И. Кочаров, А. Р. Ратинов, С. С. Степичев, В. Г. Танасевич, А. А. Эйсман, Н. А. Якубович).

При этом основные главы, определяющие содержание всего исследования: «Методологические основы теории доказательств», «Понятие и классификация доказательств», «Субъекты доказывания», «Показания свидетелей и потерпевших», «Показания обвиняемых и подозреваемых», были полностью написаны учеными-процессуалистами. Еще семь глав этой монографии написаны совместно учеными обеих специальностей и лишь одна XI глава оказалась «чисто криминалистической» — «Вещественные доказательства». А если перейти к количественной оценке (так нелюбимой А. С. Александровым), то из 45 параграфов монографии полностью или же в соавторстве 34 написаны процессуалистами и лишь II криминалистами.

Еще раз хочу отметить, что именно эта монография оказала приоритетное влияние на развитие теории уголовного процесса и криминалистики на многие годы. Ну о каком же поглощении криминалистикой теории уголовного процесса можно не только говорить, но и подумать в этой очевидной ситуации?!

3. Что же касается неоднократных призывов уважаемого профессора Александра о возвращении теории судебных доказательств к «истокам», понимая под ними риторику и логику Аристотеля и даже еще более ранние учения софистов, то А. С. Александров обвиняет современных криминалистов, а заодно и процессуалистов в редукционизме (возврату к прошлому, упрощенчестве), но сам же призывает вернуть теорию судебных доказательств не только к силлогизмам Аристотеля, но даже в еще более древнее время — к учению софистов, разрабатывающих способы и приемы целенаправленного искажения фактов, использования ложных аргументов и рассуждений,

основанных на словесных ухищрениях, хитроумном подборе логических уловок.

При всем подлинном уважении перед логическим наследием Аристотеля (которое он назвал «Аналитикой» — т. е. искусством анализа, к которому профессор Александров почему-то испытывает сильное недоверие, переименовав этот познавательный метод в «криманализ»), его силлогизмы действуют лишь в простых ситуациях. Дедуктивная логика Аристотеля оперирует лишь с уже полученными посылками, вывод из которых не создает новое знание, не устанавливает, а, следовательно, и не доказывает неизвестные обстоятельства уголовного дела. Разумеется, в анализе и проверке уже полученных доказательств существенную роль играют дедуктивные умозаключения.

Что касается призыва вернуться к учению греческих софистов, которых Аристотель в сочинении «О софистических опровержениях» подверг уничтожающей критике, называя софистику «кажущейся, мнимой мудростью», то позиция профессора А. С. Александрова так же представляется непонятной. Неужели следователям и сторонам в ходе судебного производства делать ставку на ложь, обман, провокации, измышления и логические уловки? Представляется, что профессор А. С. Александров, усмотрев в учении ранних софистов (Протогор, Горгий и другие) рациональный принцип релятивизма, не учел, что позднее доведенная до абсурда эта позиция утверждала, что каждый человек имеет свою особую истину. Перенесенная в теорию познания концепция софистов привела к утверждению о том, что все высказывания могут содержать ложь и обман, а потому основными методами любой дискуссии, в том числе и в суде, должны базироваться на жонглировании словами, хитростях, обмане и логических уловках, умело замаскированных фальшивыми рассуждениями.

4. Традиционная логика Аристотеля и основные положения риторики (наука об ораторском искусстве, теории убеждения и красноречия), несомненно, должны широко использоваться криминалистикой. Но в сложных

криминалистических ситуациях проблемного конфликтного и венчурного характера основную познавательную базу криминалистики должны составлять эвристические приемы поиска информации и её преобразование в доказательства. В основе главных способов раскрытия и расследования преступлений, преодоления проблемных ситуаций лежит эвристический (поисковый) метод выдвижения и проверки версий, а в конфликтных и рискованных ситуациях — эвристический метод рефлексивных рассуждений и связанные с ним тактико-психологические приемы, тактические операции и комбинации.

Эвристические методы разрабатывал еще великий Сократ, сформулировав свою знаменитую методику поиска — «майевтику». Позднее эвристическую «эстафету» предложили Г. Галилей, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Л. Эйлер и другие ученые. В новое время теорию эвристики развивали А. Пуанкаре, Ж. Адамар, Г. Сеге и особенно Д. Пойа. Примечательно, что свои теоретические разработки ученые базировали на практическом материале из различных сфер деятельности. При этом Д. Пейа, в основном, опирался на материалы следственной и судебной практики, успешно демонстрируя процессы поиска информации и последовательной или одномоментной трансформации вероятностных данных в достоверное знание.

Достоверное знание достигается путем использования правдоподобных рассуждений — таков основной вывод Д. Пойя и этот вывод после соответствующей адаптации вполне применим в криминалистике и следственной практике. Это убедительно подтвердили работы наших выдающихся ученых-криминалистов и прежде всего А. А. Эйсмана («Заключение эксперта. Структура и научное обоснование», «Логика доказывания») и И. М. Лузгина («Логика следствия»). Полагаю, в связи с этим, что кроме традиционной логики, в юридических ВУЗах необходимо ввести спецкурс логики эвристической, с ее «неправомерными силлогизмами» и вероятностными выводами не от причины к следствию, а от следствия к

причине, что соответствует процессам познания в оперативно-розыскной и следственной деятельности.

Криминалистика относится к так называемым интегративным наукам активно использующих результаты многих других научных дисциплин и после соответствующей адаптации, включающих эти результаты в свой теоретический и прикладной потенциал. В свою очередь криминалистика щедро делится своими достижениями с другими научными направлениями, в том числе и с наукой уголовного процесса, иногда несмотря на сопротивление ее виднейших представителей. Так было с многострадальным «следственным экспериментом» и «проверкой показаний на месте», некоторыми другими новеллами, в частности, внесение дополнения в ст. 192 УПК РФ о предъявлении вещественных доказательств и документов в ходе производства очной ставки. Эти примеры можно было продолжить, но даже этого вполне достаточно, чтобы подтвердить необходимость эффективного взаимодействия наших наук и роль криминалистики в этом процессе: наполнять процессуальные формы технологическим содержанием. Даже методы ведения судебного следствия разрабатывались криминалистами, в частности, моим коллегой по кафедре С. П. Суховым, который еще в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию, где обстоятельно исследованы и рекомендованы эффективные приемы судебной тактики, в том числе и метод «перекрестного допроса». А упомянутое выше следственное действие «Проверка показания на месте» было всесторонне исследовано также преподавателем нашей кафедры Е. В. Шишкиной в ее смелой и творческой кандидатской диссертации, вывод которой полностью включен в содержание ст. 194 УПК РФ.

5. Тем не менее, некоторые замечания профессора Александрова весьма и весьма полезны и своевременны. Теоретические выводы криминалистики всегда должны быть основой для оптимальных рекомендаций сотрудникам правоохранительных органов и судьям. И мы, криминалисты должны быть благодарны за критику нашему уважаемому оппоненту.

Отмечая озорные перехлесты в статье А. С. Александрова, нельзя не увидеть в ней рациональное зерно — не все ладно в нашей науке: бесконечные споры о проблемах криминалистики, следственных (криминалистических) ситуациях, предмете самой криминалистики, ее закономерностях уводят нашу науку от выполнения ее основной функции — обслуживание досудебного и судебного производства. Разумеется, названные выше проблемы очень важны для нашей науки, но обсуждать их до бесконечности, упрямо повторяя одни и те же доводы и не обращая внимания на уроки и выводы мировой науки, невозможно. Поэтому статья профессора А. С. Александрова пусть острая, излишне резкая, особенно незаслуженная в отношении глубоко уважаемых мною профессоров В. Я. Колдина, М. К. Каминского, А. М. Каминского и А. Ф. Лубина, много сделавших для развития криминалистики; с учетом сделанных замечаний, может рассматривать как своевременный сигнал для проведения всероссийской конференции ученых, объединенных по воле ВАКа общей специальностью 12.00.09, с обязательным приглашением руководителей и сотрудников практических органов и ведомств.

Мне хотелось бы закончить свою статью небольшим стихотворением о любимой науке криминалистике. Пусть уважаемый профессор А. А. Александров не сочтет это за проявление «гордыни». Это не гордыня, а простая человеческая гордость за свою профессию, за свою науку, за своих товарищей, коллег-криминалистов, теоретиков, практиков.

Любимая моя криминалистика!
Между практикой и теорией,
Отразившись в томах и листиках,
Заняла свою нишу в истории
Моя славная криминалистика.
Соблюдая каноны логики,
Подчиняясь законам эвристики,
Создавала свои методики
Моя мудрая криминалистика.
Разработала операции

Выполняя запросы практики,
Подготовила рекомендации
Для методики, техники, тактики.
Познавала мир вероятностей,
Но без всякой ненужной мистики
Прорвалась сквозь огонь неприятностей
Моя гордая криминалистика...
Создавали свои творения
Кибернетика, психолингвистика...
Их освоила с вдохновением
Моя чуткая криминалистика.
Шаг к успеху всегда чередуется с трудностью:
Нет в науке дороги без гроз!
Но помогут нам всем своей мудростью
Эйсман, Белкин, Потапов и Гросс.